

Ирина Кавинская

ПОЧЕМУ Я

ЭТО СДЕЛАЛА?

ПОЛУФИНАЛ
КОНКУРСА
"КНИГУРУ-2019"

16+

Ирина Кавинская

Почему я это сделала?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63930302

SelfPub; 2021

Аннотация

Пятнадцатилетняя Аня Зыкова впервые влюбилась. Но мечтая о платье со шлейфом и белоснежной фате, она даже не догадывалась, что у её избранника были совсем другие планы. Обманом заполучив откровенное фото девушки, он разослал его друзьям Ани в социальных сетях... Так началась история её кошмара и борьбы за саму себя.

Ирина Кавинская

Почему я это сделала?

Хорошо, что она глухая. Бабушка, в чью квартиру я звоню каждый раз, когда хочу попасть в девятку. Девятый дом по нашей улице, да ещё и девятиэтажный, на районе зовут девяткой. Там живёт бабушка, которую я однажды проводила до дома. Тогда-то я и узнала номер её квартиры. Но иду я не к ней.

Девятка – единственный дом в округе с незапертой дверью на чердак. Глуховатая бабушка слышит звонок домофона, снимает трубку и просто открывает дверь, потому что думает, что пришёл почтальон или соцработник. Она открывает всем. Я не захожу к ней – иду на крышу.

Ветра сегодня почти нет, но солнце слишком яркое: лучи бьют в карманное зеркальце и слепят глаза. Ничего, всё лучше, чем дома.

Я достаю из сумки косметичку. Отцовских денег хватило не только на новые кроссы (их даже супер-Арина заценила), но и на крутую подводку для глаз. Когда ей накрашусь, Аринка вообще с ума сойдёт.

Арина – звезда класса – как-то раз разрядилась в школу так, что кто-то из наших сказал: «Ну, сууупер!» С тех пор она стала супер-Ариной. А я просто Анька. Мы с ней что-то вроде подружек-соперниц. То есть, не особо-то мы и дружим,

но соперничаем точно. Звание самой симпатичной девчонки класса просто так не даётся, его-то мы и не поделили. Арина за него убить готова и ни за что не упустит случая выделиться, особенно – если удастся – на моём фоне. А я, наоборот, не выпячиваюсь. Просто знаю, что гораздо симпатичнее её. И одеваюсь круто. Теперь вот ещё и подводку купила, так что будет просто блеск.

Ащц! Мокрая чёрная стрелка уехала из уголка глаза куда-то вбок. Вот тебе и блеск – сикось-накось всё. Я часто моргаю, жмурясь от слепящего света, и стираю краску с век. Ещё раз. Ну вот, уже лучше. Кривовато, конечно, но уже куда ни шло. Надо бы пожирнее – так глаза будут ярче.

Фух, вот уж не думала, что это так сложно – я ж хорошо рисую. Брови вот сразу научилась, прям как у Кары Делевинь. Ладно, ещё разок стираю, и снова в бой. Ага, вот то, что надо. Прям кошачий взгляд. Эдик со стула упадёт.

У нас с ним сегодня видео-чат. Первый за целую неделю. Честно, я думала даже надуть губы, ну там, помучить его немного, но теперь решила, что не буду. Разве можно обижаться на любимого? Уверена, он скучал так же, как и я. Тем более что... После нашего с ним последнего разговора я отправила то фото. Доказала, что люблю его и буду любить. Всегда.

Мы познакомились с Эдиком в тиндере месяц назад: годовщина у нас как раз сегодня. Когда он исчез на прошлой неделе, я сразу и не вспомнила про неё. А теперь поняла: ну

конечно, он хочет сделать сюрприз! Да-да, сегодня, наверняка, он что-то задумал. Даже мурашки по коже от предвкушения. Как же это здорово – любить!

Всю эту неделю я просматривала фотки в своём профиле, которые он лайкал, перечитывала его комментарии. Конечно, он не мог так просто исчезнуть. Он ведь сам писал: «Со мной никогда не было такого. Просто увидел девушку – тебя – и потерял покой. Вообще не сплю, не ем, только о тебе думаю...» Я, конечно, сначала мялась, мол, да что во мне такого? А он: «Ты просто самая крутая, самая красивая из всех, не могу насмотреться на тебя, так мечтаю быть всегда рядом!»

Я тоже хочу этого. Точно знаю, что хочу, иначе ни за что не отправила бы ему то фото.

Я бросаю подводку и карандаш в косметичку – пора бежать. Майя в садике уже, наверное, заждалась, а мама, конечно, с утра в отключке. С тех пор, как отец привёз деньги, она не просыхает. Хоть бы Майка опять не подхватила какую-нибудь заразу: хоть неделю в садике, а и то не на мамку смотреть целый день.

Хорошо, что деньги отец делит между нами поровну: знает маму. В итоге хватает и на еду, и на шмотки, и Майке на игрушки. У неё вообще самые красивые игрушки из всех в группе – как ни приду забирать, всегда кто-то из детишек ходит за ней по пятам, канюча: «Ну позяюста, дай поиграть!» Только она делиться не любит. Приходится объяснять, мол,

ты поделись, а потом и с тобой кто-то поделится...

* * *

Ирина Игоревна, воспитательница, смотрит на меня как-то косо. «Неужели Майка опять подралась с кем-то из мальчишек?» – мелькает мысль.

– Анюта, а что у тебя с глазками? – вдруг спрашивает она, пристально рассматривая мой суперский мейк.

– Эээ... Ну ничего, наверное, а что? – я оглядываюсь в детское зеркальце, пока Майя возится с ботиночками.

В обрамлении мультяшных наклеек-бабочек моё лицо с глазами а-ля «рок-звезда». Они, и правда, ярче как будто стали. Глаза. Синевы стало больше, а ведь они у меня серо-голубые. В общем, всё круто.

– Ты куда-то собираешься в таком виде? – Ирина Игоревна оглядывает меня с ног до головы и слегка поджимает губы.

– Да нет, – отвечаю. – Домой сейчас...

– Угу, – кивает она. – Правильно.

Завидует, не иначе. Лучше бы мастер-класс попросила.

– Как у Майи? – спрашиваю я.

– Описалась опять днём, – отвечает Ирина Игоревна и кивает запыхавшейся мамочке, к которой с порога кидается заждавшееся чадо. – Здравствуйте! Сашенька сегодня – молодец, всё скушал.

Мамочка начинает выражать бурный восторг, обещая ча-

ду мультики вечером, а Ирина Игоревна снова смотрит на меня:

– Ты поговори с мамой, я бы к врачу сводила её, педиатр участковый пусть направит куда. Может, почки надо посмотреть...

– Все дети писаются, – отвечаю я.

– Но в таком возрасте на это уже надо обращать внимание. Я, если встречу твою маму, сама ей скажу.

«Ага, конечно, встретите вы её! Если только с утра у пивного ларька вам что-то понадобится!» – думаю я и говорю:

– Я тоже долго писалась, но ничего, выросла.

Ирина Игоревна снова поджимает губы. Майя берёт меня за руку и тянет к двери. «Пока-пока!» – машет она с порога. Ирина Игоревна расплывается в улыбке. Мы прощаемся.

«Никакая Майка не больная. Ну и что, что скоро пять? Все дети писаются».

* * *

Мамы дома не оказалось. К тётъ Лене ушла, не иначе. Плохо: трезвой оттуда она не придёт. Ещё и не ела ничего: пельмени лежат не тронутые со вчерашнего вечера. Я иду на кухню и ставлю сковороду на плиту: надо доедать, чтобы не испортились. Что бы с нами вообще было, если бы отец не давал денег?

«Да что он может, кроме денег, папаша-то твой? – в голове

звучит мамин голос. – Где он, скажи мне? Куда упорхнул? Ты хоть имя-то его помнишь?»

Помню. А вот куда упорхнул, не знаю. Он приезжает раз в месяц, а потом... Просто пропадает. Не звонит вообще никогда. Соцсетей не ведёт. Его словно нет в этом мире. Он рождается на рассвете и умирает на закате одного и того же дня. Дня, когда привозит нам деньги.

«Как в школе? Как экзамены?» – спрашивает он из раза в раз не зависимо от погоды и времени года. Так и хочется крикнуть: «Алё, гараж, ты чего? Летние каникулы, какая учёба?» А потом рассмеяться: «Шучу, до каникул ещё вечность, и это просто кошмар!»

Может, и он улыбнётся. Вот, чего я точно не помню, так это его улыбку.

Мама говорит, он ушёл от нас, когда мне было два года. Ушёл, и больше она никогда не знала, где он и что делает, пока он сам не появлялся на пороге. Она говорит, что и не хочет знать. Она повторяет: «С паршивой овцы хоть шерсти клок» – это про деньги.

«У матери своей, небось, до сих пор ходит клянчит, а эта старая выдра и рада! Вырастила сына – три раза в жизни видела за всё детство, ни пелёнок тебе, ни болезней, ни истерик! Хороша мамашка!»

Ему ведь почти сорок, неужели и правда берёт деньги у бабушки? Я бы спросила, да видела её в последний раз, ещё когда не умела говорить.

А он ведь и на Майку даёт, хоть и не дочь она ему. Он, конечно, это знает – мне почти одиннадцать было, когда она родилась. Но она думает, что папа у нас один – о том другом, который ей на самом деле родной, ни она, ни я и не слышали.

У меня, конечно, будет по-другому. Настоящая семья. Эдик говорит, пожениться можно будет сразу, как мне восемнадцать стукнет. А заявление ещё раньше подадим. Это, конечно, всё равно ещё два с лишним года, но куда деваться – до восемнадцати можно, только если ребёнок, а мы с Эдиком не хотим так рано. Да и Майка-то ещё не выросла.

Я рисовала ему глупые картинки про свадьбу, а он смеялся, мол, «классно как ты всё продумала». У меня будет длинное платье и, конечно, фата, а в ЗАГС мы поедем на мотобайке, он водит такой. Как-то раз скинул мне фотку, и я нарисовала, как всё будет. Он за рулём, а я позади, и фата развеивается на ветру. А лепестки цветов срываются с букета и падают на дорогу.

Мы как раз о свадьбе говорили, когда Эдик сказал, что вообще-то такую картинку я и любому другому смогу нарисовать. Я даже опешила: «Ты что? Кому? Да я только тебе...» Но не тут-то было: «Ты настоящая красавица, – говорил он. – Вокруг тебя там в школе все эти парни крутятся, и ты думаешь, я могу тут спокойно сидеть?» Всё повторял, что с ума от ревности сходит, что вообще на мои фотки смотреть не может, а я и не знала, что делать. Боялась, что потеряю его.

А потом он придумал: «Должно быть что-то только меж-

ду нами. Между мной и тобой. Что-то такое, что ты не покажешь никому другому. Это будет... Такая клятва. Клятва нашей любви. Ты пришлешь мне всего одну фотку, и я точно буду знать, что ты моя навсегда. Что мы будем вместе до самой смерти».

И сейчас, перечитывая то его сообщение, я чувствую, как по спине бегут мурашки. Одна фотка. Но какая! Он попросил... Сфотографироваться без рубашки. Вообще топлес, как модели.

Признаюсь, делать фото мне даже понравилось. Перед зеркалом я принимала самые эффектные позы, какие только видела на картинках в поисковике. И щёлкала, и щёлкала, и снова щёлкала... Получилось классно. Ох, да, в седьмом классе мальчишки смеялись над моей чересчур выпиравшей грудью, а теперь мне завидует даже супер-Арина. И не зря завидует.

Вот с отправкой оказалось сложнее. Ну вроде бы что такого – скинуть фотку? Я ведь люблю его. И он любит меня. И мы... Собираемся пожениться. Это будет только наша тайна, и Эдик наконец перестанет сходить с ума. Поверит, что мои чувства так же сильны, как и его.

Но в тот вечер я загрузила фотку в мессенджер, а отослать всё не решалась. Палец завис над кнопкой «Отправить» и отказывался слушаться. «Быть или не быть?» – «Не знаю! Не знаю! Не знаю!!!» До чего же сложно с этой любовью. Он ведь ждёт. «А если решит, что я не серьёзна? Если и прав-

да подумает, что мои рисунки и всё, что писала ему, пишу каждому?»

Пальцы дрожали. А потом... Мама проснулась за стенкой. Майка, лежавшая рядом, описалась, и мама, видимо, шлёпнула её так, что та сразу в рёв. Палец дрогнул, когда я сорвалась к ней.

Две галочки на экране – «Доставлено».

В комнату я вернулась не скоро: сначала закинула в машинку описанное бельё, потом зацеловала ревевшую до икоты Майку. В холодильнике было чем освежиться, и мама быстро пришла в себя, а потом хохотала вместе с нами. Я и забыла про фото.

Когда снова взялась за телефон, меня охватил трепет: что он ответил? Я провела по экрану дрожащими пальцами. Ничего. Ни одного уведомления за всё это время, хотя сообщение получено. Я напряглась. Что-то нехорошее вдруг всколыхнулось внутри: почему не пишет? И что думает теперь обо мне? Я сгорала от желания написать ему, но раз за разом вбивая текст, снова стирала его. Правильные слова не шли в голову. Я не спала полночи, думала: правильно ли поступила, отправив то фото? Может, он шутил? А если... Теперь считает меня полной идиоткой?

Телефон пилилюкнул около четырёх утра. Я схватила его так резко, что чуть не выронила.

«Ты красивая», – пришло от Эдика.

Выдох. Тело разом обмякло. Всё хорошо. Он любит меня.

И теперь знает точно, что и я безумно люблю его.

Проснувшись утром, я нервничала и чувствовала себя неуклюжей: натыкалась на углы, то и дело спотыкалась. «Всё хорошо», – твердила я про себя, но была напрочь выбита из колеи.

Эдик не написал привычное «доброе утро» – я вспомнила об этом уже по дороге в школу. Я написала сама. Не ответил. И снова этот холодок внутри.

«Что происходит? Действительно ли он написал правду или теперь считает меня уродиной?»

Я сидела на уроках, словно в прострации, водила ручкой в тетради, но думала совсем о другом. О нём. Больше всего на свете мне хотелось тогда проникнуть в его мысли. Узнать, что он на самом деле думает. И что теперь будет с нами...

Весь день я только и делала, что проверяла телефон, но от Эдика не пришло ни одного сообщения, даже маленького смайлика. На душе становилось всё тяжелее. От сердца у меня отлегло только вечером, когда он наконец написал: «Как насчёт видео-чатика в среду?» Значит, тоже скучает по мне.

Сегодня среда, и мы вот-вот увидимся. Я нарисовала классные стрелки и надела любимую оранжевую футболку. Она будет оттенять пунцовый оттенок моего лица, когда мы встретимся онлайн: мне до сих пор было не по себе от сделанного, но внутри всё пело: наконец-то снова увижу его!

Майя играла в маминой комнате, и телевизор, который мама привыкла включать чуть ли не на максимальную гром-

кость, орал на всю квартиру, но я была только рада: никто не должен услышать наш с ним разговор.

Я включила ноутбук и открыла окно видео-чата. Мы и раньше созванивались так, но сегодня особый случай. Вдох-выдох. Сейчас он позвонит. Вдох-выдох.

Сигнал звонка отозвался электрическим разрядом по телу. Это он. Я нажала «Принять вызов», и жар от шеи мгновенно поднялся к лицу.

На экране появилось улыбающееся лицо Эдика. Выдох.

– Хей-хей, красавица! Как твоё ничего? – его голос звучал весело.

Мои губы сами расплылись в улыбке.

– Нормально. Хорошо. Скучала по тебе. Чего не писал?

– Да сегодня завал какой-то тут, ты знаешь... Хотел написать, что люблю тебя, кисуль, но потом решил, что лучше скажу сам.

– Ну, говори, – я опустила глаза.

– Так сказал же уже, – на его щеках заиграли ямочки. – Люблю-люблю-люблю!

– И я тебя.

Внутри как-то разом потеплело: какая же всё-таки магия у этого слова «люблю».

– Эмм... – Эдик почесал в затылке. – Я тут, ну... Насчёт той фотки. Очень круто, знаешь, прям ты конфетка, такая сладкая...

Почему-то от этого сравнения внутри что-то как будто за-

щемило.

– Ну я прям не знаю, как сказать... Эмм... Как насчёт продолжения?

– Продолжения? – я не поняла его.

– Ну да... Ты же... Можешь снять кофточку сейчас?

– Ты серьёзно? – не поверила я.

На мгновение повисло молчание, а потом Эдик ответил:

– Ну конечно, куколка. Конечно, серьёзно. Ты моя девчонка, мы любим друг друга, так почему нет? Или ты... Уже не любишь меня?

– Я люблю, Эдик, просто... Я же отправила тебе то фото, чтобы ты поверил, что можешь не сомневаться во мне. Разве этого мало?

– Ну конечно, мало, кисуль, я же мужчина, понимаешь... И я с ума по тебе схожу, ты же просто красотка! Ну что такого в том, чтобы просто снять кофточку! Ты же уже делала это, так ведь?

– Я не хочу, – выпалила я. – Я тебя люблю, но я просто не готова, не могу так...

Эдик вдруг нахмурился.

– Да что ты ломаешься: не могу, не хочу! Чего париться – тебя твой парень просит, а не мужик какой-то левый. Давай, прямо сейчас. Никого ведь больше нет. Увижу только я.

– Эдик, я не буду.

Он поджал губы и на миг опустил глаза. А когда поднял, они как-то странно сверкали, и лицо как будто потемнело.

– А ты не забыла, что фотка-то у меня? Или хочешь, чтобы все посмотрели на твои дыньки?

Я отпрянула от экрана.

– Ты что? Ты о чём вообще?

– Кисуль, ну соображай резче. У меня твоя фотка. Но я хочу больше. Снимай футболку или эта фоточка отправится всем твоим френдам.

Да это ерунда какая-то. Бред. Он шутит, конечно. Шутит.

– Не смешно, Эдик, – ответила я, но голос предательски дрогнул.

– Да вот мне тоже. Как-то совсем не до веселья. Я думал, ты прикольная, а ты какая-то стрёмная. То фотки шлешь чуть не голая, а то «не-не-не, я не такая».

Я молчала, растеряв все слова. Он продолжал пялиться на меня сквозь экран.

– Ну, последняя попытка, кисуль. Сделаешь или нет?

Я молча замотала головой.

– Понятно. Ну, как знаешь...

Экран погас, он отключился.

Да это бред какой-то. Он не может. Не может! Не сделает такого, он ведь... Любит меня! Это просто... Такая шутка. Неудачная шутка. Сейчас он перезвонит и скажет, что пошутил. Нет, я, конечно, буду дуться ещё долго. Это совсем неудачная шутка. И я, правда, обиделась. Вот ведь приду-рок! Не звонит. Видимо, хочет помучить.

«Ну зачем поступаешь так? Хорошо, не буду обижаться,

совсем не буду, только... Позвони сейчас, скажи, что это неправда! Скажи, что был дураком, раз решил так жестоко посмеяться надо мной! Я прощу, сразу прощу, обещаю. Только... Позвони!»

Я заснула под утро, и, когда встала, голова была ужасно тяжёлой. Ни пропущенных вызовов, ни сообщений. Ничего.

«Это уже слишком! Неужели можно быть таким идиотом? Спит себе, наверное, спокойно, и думать не думает о том, что эта шутка ужасная, а я переживаю. Теперь я точно обиделась!»

По дороге в школу я отвела Майю в садик, а сама пошла не обычным путём по проспекту, а через сквер. Так получилось дольше, но мне хотелось продышаться. В душе как будто что-то щемило, и мне казалось, что весенний воздух, наполняя лёгкие, вытесняет изнутри этот невидимый груз: обиду, разочарование, страх.

Да, чем ближе я подходила к школе, тем страшнее мне становилось.

«Он не мог этого сделать! Точно не сделал! Он никому не отправил фото. Не мог. А если... Нет. Нет-нет, конечно. Не мог».

Я вдохнула глубже и заставила себя ускорить шаг. До начала уроков всего десять минут, а за опоздания новый классный, с которым у нас первый урок, оставляет дежурить в столовой после занятий. Я не могу задерживаться, иначе некому будет забрать Майку.

В раздевалке стоял дикий гвалт: в толпе первоклашек, нагруженных перевешивающими их рюкзаками и мешками со сменкой, я чувствовала себя как в муравейнике. Фух! Наконец-то второй этаж. Здесь только старшеклассники, а потому гораздо тише. Особенно сегодня.

Я вошла в кабинет географии за минуту до начала урока. Но этой минуты было достаточно, чтобы понять: тишина сегодня какая-то странная. Она была заполнена непрерывными щелчками бегающих по экранам телефонов пальцев, которые разом оборвались, стоило мне появиться на пороге. А потом смешки и шёпот поползли вокруг: «Она, она! Точно, она!»

Он это сделал.

Супер-Арина прикрывала рот ладонью, нашёптывая что-то другим девчонкам. Те прятали лица за распущенными волосами, но то и дело сверкали на меня косыми взглядами. Даже не слыша их слов, я знала, что говорили обо мне – ведь смотрели на меня. Моё лицо вспыхнуло.

«Мне конец! Конец!»

Парни мерзко хихикали. Попеременно бросая взгляды то на меня, то снова на экраны своих телефонов, они неприятно скалились. И в то время как лица девчонок кривились от гадливости, в скользивших по мне взглядах парней я замечала кое-что ещё. То же, что уже видела вчера в глазах Эдика. Тот самый злобный огонёк. Взгляд-требование показать больше.

Я бы, наверное, так и осталась стоять на пороге, как вкопанная, если бы не Евгений Сергеевич. Классный вошёл сразу после звонка и почти втолкнул меня в кабинет.

– Чего застыли-то, Зыкова? – проходя, спросил он. – Как конвой на Красной площади!

– Или на улице Красных фонарей... – хихикнул Витька Боровой, местный шутник, когда я на ватных ногах шла к парте.

Народ покотился со смеху.

– Так, класс! – Евгений Сергеевич повысил голос. – Для кого звонок? Боровой, если вас так интересует улица Красных фонарей, значит, полагаю, вы знакомы и с другими достопримечательностями Амстердама. Давайте-ка к доске, поделитесь с нами.

Витька потупился:

– Ну я, это... Не знаю... Вы не задавали.

– Садитесь, класс, – Евгений Сергеевич открыл журнал. – Тогда напомните мне, что же я задавал.

Урок прошёл, как в тумане. Бодрый голос Евгения Сергеевича и вялые ответы Борового звучали каким-то монотонным жужжанием. А в голове стучало: «Улица Красных фонарей. Он это сделал. Сделал! Сделал!!!»

Экран мобильного засветился: пришло сообщение от Вики, моей подружки. Я знала, что в нём, но во время урока посмотреть не могла даже украдкой – Евгений Сергеевич замечает такое на раз. Потом проблем не оберёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.